

An aerial, high-angle view of a sprawling, ancient city in flames. The city is densely packed with buildings, many of which are on fire, with thick smoke rising from the destruction. In the foreground, a large, circular, tiered arena is filled with a massive crowd of people. In the center of the arena, a bright, intense fire burns, casting a strong orange glow over the entire scene. The overall atmosphere is one of chaos and devastation.

Александр Восьмой

Арена Ста
Тысяч Огней

Александр Восьмой

Арена Ста Тысяч Огней

<https://litres.ru/74313088>

SelfPub; 2026

Аннотация

Арена Ста Тысяч Огней. Грандиозная арена, где каждый бой — спектакль, способный изменить баланс сил в империи. На трибунах уместается население целого города, а свет факелов превращает ночь в день. История о бойце, который должен выиграть не ради славы, а ради спасения родного квартала.

Александр Восьмой

Арена Ста Тысяч Огней

Глава 1. «Рассвет над ареной: тень будущего боя»

Небо над городом ещё хранило сумрак ночи, но над Ареной Ста Тысяч Огней уже клубился густой дым ритуальных костров — тяжёлый, пряный, пропитанный запахом смолы и пепла. Он поднимался ввысь, будто пытался дотянуться до звёзд, и растворялся в первых лучах рассвета, окрашивая небо в багровые тона.

Кай стоял на краю площади, почти прижавшись спиной к шершавой стене старого дома, и не мог оторвать взгляда от исполинского кольца трибун. Арена казалась не творением рук человеческих, а чем-то древним, живым — словно гигантский каменный зверь, замерший в ожидании кровавого пира. Её ярусы уходили вверх, теряясь в дымке, а между рядами темнели провалы лестниц и галерей, похожих на раскрытые пасти. Площадь перед входом была огромна — на ней легко уместилось бы несколько кварталов его родного района, и сейчас она казалась пустой и зловещей, как сцена перед началом трагедии.

Он сжал кулаки, чувствуя, как под кожей бегут мурашки от холода и страха. В родном квартале сейчас, наверное, только начинали просыпаться: старуха у ларька разжигала угли для чая, мальчишки бежали по переулкам, а в полупод-

вальной мастерской старый кузнец уже стучал молотом. Там жили люди, которых он знал всю жизнь, — те, ради кого он сейчас стоял здесь, перед лицом невозможного. Слухи ползли по трущобам, как ядовитый туман: имперские сборщики готовились к зачистке, и спасти квартал мог только один человек — тот, кто выиграет на Арене.

«Только один бой, — шептал он себе, будто заклинание. — Только один, и они оставят их в покое».

Площадь постепенно оживала. Из боковых улиц стекались фигуры в тёмных плащах, с тяжёлыми сумками и свёрнутыми ковриками под мышкой — претенденты, такие же, как он, пришедшие искать удачи или спасения. Кто-то бормотал молитвы, кто-то разминал плечи, проверяя, не подведёт ли тело в решающий момент. Над головами мелькали флажки надсмотрщиков, а у главных врат уже выстраивалась очередь к столу регистраторов.

Кай сделал шаг вперёд, и площадь тут же поглотила этот звук, превратив его в едва слышный шорох. Ещё шаг. Ещё. Ветер, гулявший между ярусами, принёс запах железа и пота — запах боя, запах страха. Где-то высоко, на верхних рядах, скрипнули доски, будто арена вздохнула.

У врат возвышались две колонны из чёрного камня, испещрённые древними рунами. Между ними висел огромный бронзовый гонг, потемневший от времени. Легенда гласила, что тот, кто ударит в него, уже не сможет повернуть назад. Кай остановился перед ним, поднял руку и на мгновение за-

мер, вглядываясь в собственное отражение в тусклом металле: бледное лицо, тёмные круги под глазами, сжатые губы.

«Ради вас, — подумал он, обращаясь к тем, кто остался в родном квартале. — Ради всех вас».

Кулак врезался в гонг с глухим, вибрирующим звуком, который прокатился по площади, отразился от стен и взлетел вверх, к самым верхним рядам. Звук был похож на раскат грома — и в тот же миг Кай почувствовал, как мир вокруг него сдвинулся, как будто невидимая дверь захлопнулась за его спиной.

Стражник у стола поднял голову, скользнул по нему равнодушным взглядом и махнул рукой:

— Следующий.

На листе пергамента рядом с его именем появилась тонкая чернильная линия. Ещё одна душа, брошенная в жернова арены.

Кай прошёл внутрь, и тень трибун накрыла его, словно тяжёлое одеяло. Впереди, за аркой, открывался вид на сам круг арены — огромный, пустой, покрытый тонким слоем песка, который в лучах восходящего солнца казался багряным, будто присыпанным пылью из крови. По периметру стояли факелы, пока ещё не зажжённые, но Кай уже видел, как ночью они превратят это место в пылающее кольцо, в адский театр, где каждый шаг будет стоить дорого.

Где-то наверху скрипнула доска, и по спине пробежал хо-

лодок. Арена слушала. Арена ждала. И теперь он был частью её истории.

Первый шаг был сделан. Дальше — только вперёд.

Глава 2. «Врата из чёрного железа: цена входа»

Площадь перед вратами гудела, как растревоженный улей. Сотни претендентов теснились на гигантском пространстве, и каждый из них казался здесь одновременно и слишком маленьким, и невыносимо громким. Кто-то бормотал молитвы, кто-то разминал затекшие мышцы, кто-то молча смотрел вверх, туда, где исполинские ярусы арены смыкались над площадью, словно челюсти каменного чудовища.

Кай стоял в очереди, чувствуя, как холодный ветер пробирается под потрёпанную куртку и царапает кожу. Перед ним возвышались Врата из чёрного железа — массивные, тяжёлые, отлитые будто из самой тьмы. Их поверхность была испещрена глубокими бороздами и странными узорами, похожими на застывшие молнии. Говорили, что металл впитал в себя боль тех, кто когда-то пытался пройти без должной цены. По бокам врат застыли стражники в тяжёлых доспехах — их лица скрывали глухие шлемы, а в руках они держали длинные жезлы с тускло мерцающими кристаллами на навершиях.

Очередь двигалась медленно. Каждые несколько минут стражник у стола делал короткий жест, и очередной претендент подходил к специальной платформе — небольшому

возвышению из того же чёрного металла, что и врата. Там происходило нечто, о чём ходили шёпоты и легенды: испытание, которое проверяло не только силу, но и волю, не только мышцы, но и сердце.

Когда подошла очередь парня впереди Кая, тот шагнул на платформу с видом человека, который уже всё решил. Стражник молча коснулся кристаллом его плеча, и по телу претендента пробежала волна тусклого света, будто внутри него на мгновение вспыхнула чужая память. Парень стиснул зубы, но не издал ни звука. Затем стражник произнёс одно слово:

— Достоин.

И парень прошёл.

Но следующий претендент, коренастый мужчина с грубыми руками и шрамом через всё лицо, едва кристалл коснулся его кожи, резко выдохнул и пошатнулся. Его глаза расширились, будто он увидел что-то, чего не должен был видеть. Он сделал шаг назад, но стражник остановил его жестом:

— Ты пришёл сюда по своей воле. Испытание — часть цены.

Мужчина сжал кулаки, снова шагнул на платформу, и на этот раз свет пробежал по нему без сопротивления.

— Достоин, — холодно повторил стражник.

Кай почувствовал, как внутри всё сжалось. Он знал: кристалл считывает не просто физические параметры. Он вытаскивает наружу страхи, сомнения, самые тёмные уголки души — и решает, достаточно ли сильна воля претендента, чтобы арена приняла его.

Наконец, очередь дошла до него. Стражник скользнул по нему безразличным взглядом, затем коротко кивнул в сторону платформы:

— Шаг вперёд.

Кай ступил на холодный металл. Поверхность слегка вибрировала, будто отзывалась на его присутствие. Он поднял голову и посмотрел прямо перед собой, стараясь не думать ни о боли, ни о страхе, ни о том, что сейчас вся его жизнь станет прозрачной для этого бездушного кристалла.

Стражник медленно поднёс жезл. Кристалл на его конце начал наливаться тусклым, багровым светом, похожим на отблеск факелов арены в тёмную ночь. Лёгкое прикосновение к плечу — и мир вокруг дрогнул.

Перед глазами вспыхнули картины, которых он не хотел вспоминать: родной квартал, объятый дымом; лица соседей, полные отчаяния; собственный крик, застрявший в горле, когда он понял, что никто, кроме него, не сможет их спасти. Кристалл будто тянул из него эти воспоминания, выставляя их напоказ, заставляя пережить заново каждую секунду боли.

«Нет, — мысленно прошептал Кай, стискивая зубы. — Я не сломаюсь. Я должен быть сильнее этого».

Свет пробежал по его телу, скользнул по венам, на мгновение стал ослепительно ярким — и тут же погас. Кристалл потемнел, будто насытился увиденным.

Стражник чуть склонил голову, будто прислушиваясь к чему-то невидимому, затем произнёс:

— Достоин.

Эти два слова прозвучали для Кая громче любого крика толпы. Он сделал шаг с платформы, и ноги едва держали его, но он не позволил себе упасть. Где-то позади кто-то тихо выдохнул, кто-то пробормотал что-то похожее на проклятие, а впереди уже открывались тяжёлые створки врат, впуская его в следующий круг испытаний.

За вратами открывался новый мир — мрачный, огромный, наполненный эхом шагов и шёпотом теней. Коридоры уходили вглубь, теряясь в полумраке, а над головой нависали массивные своды, поддерживаемые колоннами, которые казались старше самой империи. Здесь пахло железом, пылью и чем-то ещё — предвкушением крови.

Один из стражников, стоявших у входа в коридор, коротко бросил:

— Дальше ты пойдёшь один. Там тебя встретят.

Кай кивнул, хотя никто не смотрел на него. Он сделал ещё

один шаг, и врата за его спиной медленно, с тяжёлым скрежетом, закрылись, отрезая путь назад. Теперь у него не было права на слабость. Теперь каждая секунда имела цену.

Он шёл вперёд, чувствуя, как под подошвами скрипит каменный пол, а где-то далеко впереди уже слышался глухой рокот — будто сама арена готовилась к новому спектаклю, в котором ему предстояло сыграть главную роль.

Глава 3. «Яма подготовки: сталь и кровь»

Спуск под арену напоминал падение в пасть каменного чудовища. Узкая винтовая лестница уводила всё глубже, ступени крошились под сапогами, а воздух становился гуще, тяжелее, пропитанный запахом сырости, ржавчины и чего-то горького — будто сама земля здесь помнила каждую пролитую каплю крови. С каждым пролётом свет факелов становился всё более тусклым, а тени — длиннее и живее, будто они тоже наблюдали за Каем, оценивая, сколько в нём осталось страха.

Наконец лестница вывела его в огромный зал, рассечённый на десятки тренировочных ям. Каждая яма была отдельным миром: круг из грубого камня, огороженный невысокими стенами, над которыми нависали галереи для наблюдателей. Внизу мелькали фигуры — бойцы отрабатывали удары, катались по песку, падали и снова поднимались. Эхо их движений гуляло под сводами, накладываясь друг на друга, превращаясь в глухой, непрерывный рокот, похожий на сердце-

биение исполинского зверя.

Над ямами висели железные клетки с горящими углями — от них шёл неровный, дрожащий свет, выхватывающий из темноты резкие профили, блеск клинков, капли пота и крови. Где-то справа раздался резкий вскрик, тут же оборвавшийся, и Кай невольно сжал кулаки. Здесь не было места жалости. Здесь учили выживать.

К нему подошёл наставник — высокий, жилистый, с лицом, похожим на высеченный из камня рельеф. На плече у него висел короткий кнут, а на поясе — несколько металлических пластин, каждая с выгравированным символом. Он скользнул по Каю взглядом, в котором не было ни любопытства, ни сочувствия — только холодный расчёт.

— Ты думаешь, бой — это сила? — спросил наставник, не повышая голоса, но его слова прозвучали отчётливо даже на фоне общего гула. — Сила здесь есть у всех. Слабых отсеивают ещё на входе. Здесь нужна сталь внутри. Та, что не ломается, когда тело кричит от боли.

Кай молча кивнул, понимая, что любое слово сейчас будет лишним.

Наставник махнул рукой в сторону ближайшей ямы:

— Туда. Сейчас ты узнаешь, что значит быть бойцом.

В яме его уже ждал соперник — парень чуть старше, с широкими плечами и взглядом, в котором читалось презрение. Он крутил в руке короткий клинок, лениво, почти небрежно.

но, будто это была не сталь, а игрушка. Его движения были отточенными, хищными, и Кай сразу понял: перед ним не новичок.

— Не стой столбом, — рывкнул наставник откуда-то сверху. — Он не будет ждать, пока ты решишься.

Соперник сделал резкий выпад, клинок просвистел в сантиметре от лица Кая. Он отшатнулся, едва успев увернуться, и тут же почувствовал, как холодный пот стекает по спине. Второй удар пришёлся по предплечью — неглубокий, но болезненный, оставивший на коже тонкую красную полосу.

«Он не хочет убить, — мелькнула мысль. — Он хочет сломать».

Кай отскочил, прижимая руку к груди, и попытался собраться. Его учили драться на улицах родного квартала — там ценились скорость и хитрость, умение использовать окружение. Но здесь, в этой яме, не было переулков и мусорных баков, не было возможности сбежать. Здесь был только круг, песок, сталь и противник, который знал, как заставить врага сдаться.

Соперник снова бросился вперёд, на этот раз делая ложный выпад и резко меняя направление. Кай попытался парировать, но клинок скользнул по его защите, выбивая оружие из руки. Оно звякнуло о камни и откатилось в сторону, оставив его безоружным.

Толпа на галереях взвыла — не от восторга, а от предвкушения. Для них это было зрелище, спектакль, репетиция бу-

дущего представления на большой арене. И Кай вдруг понял: они не болеют за него. Они хотят увидеть, как он сломается.

Но в этот момент что-то внутри него щёлкнуло. Не ярость, не отчаяние — холодный, ясный расчёт. Он вспомнил слова наставника: «Здесь нужна сталь внутри». И понял, что сталь — это не только сила, но и умение видеть слабые места, использовать ошибки противника, превращать боль в преимущество.

Когда соперник снова ринулся вперёд, Кай не стал отступать. Вместо этого он шагнул навстречу, поднырнул под удар и впечатал кулак в солнечное сплетение противника. Тот захлебнулся воздухом, пошатнулся — и в этот миг Кай схватил свой клинок, перекатился и оказался на ногах, держа оружие так, будто оно всегда было продолжением его руки.

Соперник выпрямился, тяжело дыша, и на мгновение в его взгляде мелькнуло что-то похожее на уважение. Но он не отступил. Вместо этого он усмехнулся и сделал ещё один выпад — на этот раз медленнее, будто давая Каю шанс.

Они закружились в танце стали и песка, каждый удар отдавался эхом в каменных сводах, каждый промах отзывался болью. Кай чувствовал, как силы уходят, как мышцы наливаются тяжестью, но он не позволял себе думать об этом. Он смотрел на движения соперника, отмечал паузы между ударами, искал ритм, который можно было сломать.

И когда тот в очередной раз замахнулся, Кай увидел эту паузу — долю секунды, когда вес тела сместился вперёд, а

защита стала тоньше. Он ударил, вкладывая в движение всю свою усталость, всю свою решимость, всю ту боль, которую носил с собой ради родного квартала.

Клинок скользнул по плечу соперника, оставляя неглубокую, но явную рану. Тот отступил, удивлённо коснувшись плеча, и в этот момент наставник на галерее поднял руку.

— Достаточно.

Тишина опустилась на яму неожиданно, будто кто-то выключил звук. Толпа затихла, а соперник опустил оружие и посмотрел на Кая уже без презрения — скорее с интересом.

— Неплохо, — произнёс он, криво улыбнувшись. — Для новичка.

Наставник спустился вниз, подошёл к Каю и остановился перед ним, глядя прямо в глаза.

— Ты выжил. Это уже больше, чем многие могут сказать. Но помни: на большой арене никто не будет давать тебе шанс найти ритм. Там бьют, пока ты не упадёшь. И если ты хочешь спасти свой квартал, тебе придётся стать не просто бойцом. Тебе придётся стать легендой.

Кай кивнул, чувствуя, как по телу разливается странная смесь усталости и гордости. Он не победил — но он не сломался. И этого пока было достаточно.

Где-то наверху скрипнули доски галереи, и по яме пробежал холодный сквозняк, будто сама арена напоминала: это только начало. Впереди были настоящие бои, настоящие ставки и настоящая кровь. Но сейчас, стоя в центре ямы, по-

крытый пылью и царапинами, Кай впервые почувствовал: он готов заплатить эту цену.

Глава 4. «Первый бой: пламя вместо слов»

Ночь над Ареной Ста Тысяч Огней пылала. Тысячи факелов по периметру круга горели так ярко, что тьма отступала далеко за пределы трибун, растворяясь в этом огненном кольце. Свет бил в глаза, слепил, превращал лица зрителей в размытые пятна, а песок арены — в багровую пыль, искрящуюся, будто раскалённые угли. Трибуны ревели — не как толпа, а как единый живой шторм, который мог поглотить любого, кто осмелится выйти на круг.

Кай стоял у входа в арену, в узкой арке, где воздух был густым и горячим, пропитанным запахом дыма, железа и чужого страха. Его пальцы сжимали рукоять клинка так крепко, что костяшки побелели. Он не смотрел на трибуны — он боялся, что, увидев эту бездну лиц, потеряет ту холодную решимость, которую с таким трудом собрал в себе за последние дни.

Перед ним раскинулся круг — огромный, пустой, безжалостный. В центре его ждала тишина, которая вот-вот должна была взорваться сталью и криками. По другую сторону круга, напротив, стоял его противник — ветеран арены по имени Гарк. О нём ходили легенды: двадцать семь побед, ни одного поражения, стиль боя, похожий на танец хищника, который играет с добычей, прежде чем нанести смертельный

удар. Гарк даже не доставал клинок до начала боя — он держал его небрежно, почти лениво, будто сам поединок был для него не более чем развлечением.

Над ареной взвыл медный рог — длинный, вибрирующий звук, от которого содрогнулись даже массивные колонны. Толпа взорвалась новым шквалом криков, и в этот миг Кай почувствовал, как время замедляется. Каждый вдох стал длиннее, каждый удар сердца — тяжелее.

Гарк наконец вынул клинок. Сталь сверкнула в свете факелов, будто сама впитала в себя это пламя. Он сделал шаг вперёд, не спеша, нарочно давая Каю увидеть, насколько он уверен в своей победе.

— Не бойся, — бросил он с усмешкой, голос его донёсся до Кая сквозь рёв трибун с пугающей чёткостью. — Это всего лишь игра. А ты в ней — фигура.

Слова ударили сильнее любого удара. Кай стиснул зубы. Нет, это не игра. Для него это не было игрой. За каждым его движением стояли лица людей из родного квартала — тех, ради кого он здесь. И если Гарк хотел видеть в нём фигуру, Кай собирался стать фигурой, которая перевернёт всю доску.

Бой начался без предупреждения. Гарк рванулся вперёд с неожиданной скоростью, его клинок описал дугу, нацеленную в грудь Кая. Кай едва успел отскочить, и сталь просвистела в сантиметре от его кожи. Толпа взвыла — ей нравился этот момент, когда смерть казалась почти осязаемой.

Следующие мгновения слились в вихрь ударов, уклонов,

резких вдохов и выдохов. Гарк не торопился. Он давил своим опытом, заставлял Кая ошибаться, вынуждал тратить силы на ложные атаки. Каждый раз, когда Кай пытался контратаковать, ветеран легко отбивал удар, будто заранее знал каждое его движение.

«Он читает меня, — мелькнуло в голове Кая. — Он видит все мои слабости».

Но в какой-то момент Кай понял: слабость — это не только то, чего не хватает. Слабость — это ещё и то, что заставляет тебя двигаться. Его отчаяние, его страх за родной квартал, его готовность заплатить любую цену — всё это горело внутри него, как пламя, которое не могло погаснуть.

Когда Гарк в очередной раз сделал выпад, Кай не стал отступать. Вместо этого он шагнул навстречу, поднырнул под клинок, перекатился и оказался сбоку от противника. Гарк на мгновение замер, удивлённый такой дерзостью. Этого хватило.

Кай ударил — не идеально, не по учебнику, но с такой силой, какую только мог собрать. Клинок скользнул по плечу ветерана, оставив неглубокую, но явную рану. Кровь выступила на коже, тёмная в свете факелов.

Толпа на трибунах взревела так, будто сама арена задрожала. Даже массивные ярусы, казалось, отозвались на этот крик. Гарк опустил клинок и посмотрел на Кая уже без прежней ленивой усмешки. Теперь в его взгляде читалось уважение — и злость.

— Так вот оно что, — произнёс он, голос звучал тише, но от этого казался ещё опаснее. — Ты не просто фигура. Ты — огонь.

И бой вспыхнул с новой силой. Теперь Гарк больше не играл. Он дрался всерьёз, и каждый его удар нёс в себе угрозу, которую Кай чувствовал кожей. Но и Кай изменился. Его движения стали резче, точнее, в них появилась та самая ярость, рождённая отчаянием. Он больше не пытался быть идеальным бойцом — он стал бойцом, который не имеет права проиграть.

Они кружились по кругу, сталь звенела о сталь, искры взлетали в воздух и гасли, не долетая даже до первых рядов трибун. Песок под ногами становился липким от пота и крови. Кай чувствовал, как силы уходят, как мышцы наливаются тяжестью, но он не позволял себе думать об этом. Он видел только Гарка, только его движения, только ту долю секунды, когда можно было нанести удар.

И когда ветеран в очередной раз замахнулся, открывая бок, Кай ударил. На этот раз его клинок нашёл цель. Гарк пошатнулся, сделал шаг назад, и на его лице промелькнуло что-то похожее на удивление.

Снова взвыл рог. Но на этот раз звук был другим — коротким, резким, означающим конец боя.

Тишина обрушилась на арену неожиданно. Она была тяжелее любого крика, глубже любого эха. Трибуны замерли, будто не верили, что этот бой закончился. Гарк медленно

опустил клинок и посмотрел на Кая долгим, пристальным взглядом.

— Ты заслужил этот бой, — произнёс он наконец, голос его звучал хрипло, но твёрдо. — Пусть удача будет на твоей стороне и дальше.

Кай едва стоял на ногах. Его грудь вздымалась от тяжёлого дыхания, руки дрожали, но он держал клинок, будто это была единственная вещь, которая не давала ему упасть. Он не чувствовал ни радости, ни триумфа — только странное, звенящее облегчение. Он выжил. Он выиграл. И теперь у его квартала появился шанс.

Стражники вышли на круг, чтобы увести Гарка. Ветеран прошёл мимо Кая, и на мгновение их взгляды встретились. В этом взгляде не было ни злобы, ни презрения — только признание.

Кай остался один на арене, окружённый тишиной, которая была громче любого крика. Свет факелов всё так же слепил глаза, но теперь он видел в этом пламени не угрозу, а силу — силу, которую он только начал понимать.

Где-то высоко на трибунах кто-то выкрикнул его имя. Звук прокатился по арене, отразился от стен и вернулся к нему, словно обещание: это только начало. Впереди были новые бои, новые испытания, новые ставки. Но сейчас, стоя посреди круга, покрытый пылью, кровью и потом, Кай знал: он нашёл свой стиль. Отчаяние, превращённое в ярость. И эта ярость будет гореть, пока он не спасёт свой квартал.

Глава 5. «Тени за кулисами: кто дѣргает за нити»

После боя тишина казалась Каю почти враждебной. На арене она была величественной, торжественной — словно арена сама признавала значимость каждого удара. Здесь же, за кулисами, в узких коридорах под трибунами, тишина была другой: густой, насторожённой, будто сама тьма прислушивалась к каждому его шагу.

Кай шёл по лабиринту переходов, ведомый одним лишь желанием — найти укромное место, где можно было бы перевести дух и смыть с себя пыль и кровь. Стены здесь были не из гладкого камня, как на парадных галереях, а из грубо обтёсанных блоков, между которыми зияли щели, откуда тянуло сыростью и холодом. Над головой нависали массивные балки, поддерживающие ярусы трибун; они казались рёбрами исполинского зверя, внутри которого он теперь блуждал.

Коридор вывел его к небольшой нише — заброшенному складу реквизита. Здесь громоздились старые щиты, проржавевшие цепи, ящики с факельными фитилями и поломанные механизмы, с помощью которых на арене создавали иллюзию грома и молний. В углу тускло мерцал одинокий светильник, отбрасывая дрожащие тени, которые плясали по стенам, словно живые.

Кай присел на край ящика, опустил голову и провёл ладонью по лицу, стирая липкую смесь пота и пыли. Мышцы ныли, каждое движение давалось с трудом, но внутри всё ещё

гудело то странное напряжение, которое родилось на арене и не хотело отпускать. Он пытался убедить себя, что самое страшное позади, что теперь, после победы над Гарком, у него есть шанс выторговать спасение для родного квартала. Но где-то в глубине души шевелилось неприятное предчувствие — будто он только что сделал ход в чужой игре, даже не зная её правил.

Именно в этот момент он услышал голоса.

Они доносились из-за тонкой перегородки, отделявшей склад от соседнего помещения. Сначала Кай подумал, что это просто распорядители арены обсуждают следующий бой. Но затем тон разговора изменился — стал тише, сдержаннее, и в нём проскользнуло что-то такое, от чего по спине пробежал холодок.

Он замер, стараясь даже не дышать.

— Ты уверен, что мальчишка сыграет нам на руку? — произнёс низкий, властный голос, в котором слышалась привычная к приказам сталь.

— Более чем, — ответил второй, чуть более спокойный, но от этого не менее опасный. — Его отчаяние — лучший инструмент. Он готов на всё ради своего квартала, а значит, будет делать именно то, что нам нужно. Сегодня он победил Гарка не потому, что оказался сильнее, а потому, что мы позволили ему победить.

Кай почувствовал, как кровь стынет в жилах. Слова падали, как тяжёлые камни, разбивая его недавнюю уверенность

вдребезги.

— Его победа уже вызвала переполох среди северных домов, — продолжил первый голос. — Они видят в нём угрозу, символ, который может объединить недовольных. Нам нужно, чтобы он продолжал побеждать — но в нужный момент проиграл. Именно тогда мы сможем нанести удар по нашим врагам и перекроить распределение ресурсов в столице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.